

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРУПЦИЯ И ТЕНЕВЫЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

К. Н. Козлов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 февраля 2024 г.

Аннотация: рассматриваются ключевые особенности теневых политико-экономических практик, становление и перечень основополагающих особенностей политической коррупции, а также определяющие факторы выявления теневых бизнес-структур, работающих в политическом поле. Помимо этого, автор описывает характерные черты теневизации экономики и условия ее трансформации в таковую с указанием целей и способов получения выгоды обоих субъектов подобных теневых отношений (государство и бизнес).

Ключевые слова: теневая политика, теневая экономика, политическая коррупция, теневое политико-экономическое взаимодействие.

Abstract: this article examines the key features of shadow political and economic practices, the formation and list of fundamental features of political corruption, as well as the determining factors for identifying shadow business structures operating in the political field. In addition, the author describes the characteristic features of the shadow economy and the conditions for its transformation into such, indicating the goals and ways to benefit from both subjects of such shadow relations (the state and business).

Key words: shadow politics, shadow economy, political corruption, shadow political and economic cooperation.

Политическая коррупция как базовый элемент построения теневого взаимодействия

Изучение конкретных форм и способов развития теневых политических практик в целом и коррупции в частности в наши дни является важным направлением исследований. Это связано с тем, что в современном мире коррупция и строящиеся на ней теневые экономико-политические отношения (а иногда и целые институционализированные теневые системы) остаются в числе основных проблем для государств и общества в целом. Прогнозирование развития коррупционных механизмов, равно как и форм теневых политико-экономических отношений, позволяет правительствам и другим заинтересованным сторонам принимать меры по предотвращению или ослаблению этих явлений. Прогнозирование же их развития может также помочь в разработке стратегий по борьбе с коррупцией и другими теневыми практиками, обеспечивая более эффективный подход к решению связанных с ними проблемных вопросов.

В разрезе исследования политического аспекта коррупции стоит отметить выводы целого ряда авторов. Так, В. А. Вакурин на основании анализа работ других исследователей выделил следующие предпо-

сылки возникновения и развития политической коррупции: «наличие конфликта интересов лиц, занимающих государственные должности в силу совмещения прямым или косвенным образом публичных и частных интересов; использование функций и возможностей публичных институтов должностными лицами на неправовой основе в целях оказания услуг частным лицам; деформация структур государства, выражающаяся в несогласованности функций отдельных структур правоохранительных и контрольных органов; слабость территориальных и профессиональных институтов самоуправления в реализации своих интересов; отсутствие в нормах права института конфискации имущества лиц, осужденных за коррупционные правонарушения, в том числе имущества, переданного другим лицам на праве доверительного управления, наследования и пр.; иммунитет должностных лиц от ответственности за коррупционные правонарушения по истечении срока пребывания на государственных должностях; ограничения деятельности средств массовой информации» [1, с. 16–17]. А. Я. Сухарев отмечал, что в начале 1990-х гг. российское государство «создало властно-управленческий вакуум в самом основании правопорядка», в результате которого создалась угроза в коррумпированном разложении госаппарата и смыкании части чиновников с уголовными кланами» [2, с. 46]. М. Джонстон подчеркивает, что «в расколо-

тых социумах, в отличие от стабильных, коррупция пронизывает все общество. Она не поддается какому-либо стандартному определению, так как воспринимается как политически спорная и связанная с конфликтом интересов» [3, с. 21]. С. Роуз-Аккерман акцентирует внимание на том, что «в случае, если либерализация экономики не сопровождается соответствующими реформами государственных структур, не регулируется конфликт интересов, отсутствуют пределы финансового обогащения и подкупа, то резко возрастает риск подрыва институтов и коррупции чиновничества» [4, с. 75]. В. А. Номоконов выявляет источник коррупции «в деформации государства, подчеркивает, что коррупцию питают слабость, дезорганизация механизмов государства и отчужденность государства от народа» [5, с. 263]. Г. К. Мишин видит сущность коррупции «не в подкупе, продажности публичных и иных служащих, а в нарушениях единства (дисфункциях), возникающих в процессе коллективного преследования общественных целей» [6, с. 263]. В. В. Лунеев в своей фундаментальной работе «Преступность XX столетия» отмечал «расширение коррупционной преступности, включающей не только примитивное взяточничество, но и лоббизм, фаворитизм, протекционизм, взносы на политические цели, традиции перехода политиков и государственных чиновников на высокие должности в корпорациях и частных фирмах, инвестирование близких коммерческих структур за счет средств госбюджета» [7, с. 267].

Проблема политической коррупции в большинстве научных работ обычно связывается с воздействием ряда негативных, ослабляющих политическую и экономическую систему факторов. В их числе:

1) конфликт интересов у государственных должностных лиц, которые одновременно заботятся не только и не столько о публичных, сколько о частных интересах;

2) неправомерное использование публичных ресурсов и функций должностными лицами для получения личной выгоды;

3) несогласованность функций различных государственных структур, чаще – правоохранительных и контрольных органов;

4) ограниченные возможности институтов самоуправления на территориальном и профессиональном уровнях в защите своих интересов;

5) отсутствие механизмов конфискации имущества у лиц, осужденных за коррупционные преступления, включая переданное имущество другим лицам по различным правовым основаниям;

6) у преступников (в данном случае должностных лиц) после истечения их срока службы на государственных должностях отсутствует ответственность за коррупционные правонарушения;

7) ограничения в деятельности СМИ, способных препятствовать разглашению и обнародованию информации о коррупционных действиях.

Тут же стоит выделить ряд преград, препятствующих снижению уровня политической коррупции. Такими преградами обычно являются:

– высокая скрытность совершаемых коррупционных преступлений, осложняющая их выявление и привлечение виновных к ответственности;

– недостаточная ответственность публичных структур и должностных лиц перед демократическими институтами, общественностью;

– нечеткое разграничение между публичной и частной сферами деятельности бизнес-структур и государственных органов, ограниченность открытости информации о доходах;

– существование институционализированных, «традиционных» и закреплённых в общественном сознании механизмов политической коррупции, являющихся результатом тесной взаимосвязи между формальными и неформальными отношениями экономических и государственных субъектов;

– возможность использования частными структурами ресурсов государственных институтов для продвижения коммерческих интересов.

При этом постоянно нарастающая политическая коррупция не только непосредственно разрушает внутри систему государственной власти и управления, но и создает «питательную почву для распространения в государственно-бюрократической среде всех видов экономической коррупции, для захвата государства правящими политико-экономическими группировками» [8, с. 10]. В худшем случае возможно развитие процесса приватизации государственной власти, в результате которой правящие политико-экономические кланы и группы интересов могут практически бесконтрольно злоупотреблять полным спектром своих ресурсов (законодательным, финансовым, силовым, медийным, институциональным, статусным и пр.) «для перераспределения природных ресурсов и земли, финансовых средств, государственной собственности и имущества в своих корыстных интересах и целях, для захвата, в том числе и с использованием силового и статусного ресурсов, наиболее прибыльных частных корпораций, компаний и банков, а также способных приносить значительную прибыль структур в сфере досуга, образования, науки и культуры» [там же, с. 23]. Особенно примечательно, что злоупотребления законодательным и медийными ресурсами публичной власти могут приводить к тому, что деятельность правящих теневых политических кланов, по существу, незаконная, будет считаться как легитимная (и формально, и с точки зрения общественности), так как будет осуществляться в рамках законов, хотя и неправовых. При данных

обстоятельствах в государстве формируется такой правящий режим, основой жизнедеятельности которого становятся «легитимное» злоупотребление всеми доступными видами административного ресурса, масштабная политическая и экономическая коррупция.

На основании изложенных выше характеристик коррупционных отношений в политическом поле исследователь Ю. А. Нисневич даже предлагает выделить отдельный тип коррупции – государственно-политическую коррупцию, определяя ее как «вершину системной коррупции как симбиоз политической и экономической коррупции в высших эшелонах публичной власти» [9, с. 136]. Задачей такого типа политической коррупции является «захват» государства – «такое проявление коррупции, при котором публичная власть приватизируется правящими политико-экономическими группировками и все властно-принудительные полномочия и виды административного ресурса публичной власти направляются на удержание власти и захват природных ресурсов и земли, основных потоков финансовых средств, государственной и частной собственности и имущества, самых прибыльных экономических агентов как в государственном, так и в частном секторе, а также наиболее влиятельных средств массового распространения информации и массовых коммуникаций для их использования в целях материального обогащения членов правящих группировок» [10, с. 28].

Развитие политической коррупции параллельно способствует развитию и укреплению неформальных общественных институтов [11, с. 2051], способных в худшем случае вытеснить институты формальные, в силу ускорения «непрерывного процесса систематической “порчи” институтов в ходе институционального строительства и последующей эволюции» [12, с. 10]. Подобная деградация политических институтов, а также отсутствие у правящей элиты стратегии развития страны неизбежно приводят к ослаблению государства, усилению институционализации коррупции и криминализации общества. В этом случае формальные институты просто становятся фасадом неформальных институтов – «там, где правительство не подотчетно парламенту, важнейшие решения принимаются не выборными представителями граждан, а узкими властными группами; там, где политические партии не способны обеспечить политическую взаимосвязь элиты и масс, их функции выполняют основанные на массовом клиентелизме «политические машины» и т. д. [13, с. 59].

Тесно связанной с концепцией коррупции является концепция теневой экономики, являющейся следствием широкого распространения коррупционных механизмов. Теневая экономика – это ненаблюдаемое экономическое явление, в силу чего не суще-

ствует единого мнения относительно ее определения. Теневая экономика, как и коррупция, связана с незаконной деятельностью. Согласно некоторым исследованиям, к росту теневой экономики также приводит отсутствие надлежащих институтов, а не только высокий уровень коррупции внутри государства.

«Теневизация общества» обычно начинается с экономической сферы, что означает расширение охвата экономическими теневыми процессами все большего количества сфер жизнедеятельности общества и государства. Теневая экономика как базовый элемент теневизации общества обеспечивает прирост и циркуляцию теневого капитала, включая его производство, распределение и перераспределение. Таким образом, теневые процессы сначала проявляются в экономическом пространстве, постепенно прирастая и начиная влиять на прочие виды хозяйственной (а потом и иные виды) деятельности. В. О. Исправников и В. В. Куликов считают, что «теневая экономика – это всякая экономическая активность, незарегистрированная официально уполномоченными органами. Это такой уклад экономических отношений, который складывается в обществе вопреки законам и формальным правилам хозяйственной жизни» [14, с. 16].

Одним из основополагающих факторов, определяющих уровень развития теневой экономики, является качество гражданских институтов: когда государственным учреждениям не хватает прозрачности или они терпимо относятся к коррупции, общественное доверие к ним снижается. В таком случае люди более скептически относятся к правительству в целом и более склонны заниматься неформальной экономической деятельностью, такой как работа без надлежащих разрешений или уклонение от уплаты налогов. Они считают, что их налоговые отчисления будут использованы не по назначению, а также что уклонение от уплаты налогов останется незамеченным или безнаказанным.

Верно и обратное: теневая экономика и институционализируемая демократия отрицательно коррелируют как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе. В обоих этих случаях улучшение институционализируемой демократии значительно сокращает размер теневой экономики при прочих равных условиях.

Во-первых, укрепление демократических институтов усиливает политические процессы, которые важны для предоставления социальных и экономических услуг гражданам, ведущих к улучшению их благосостояния. Повышение благосостояния граждан снижает их стимул заниматься неформальной деятельностью, поскольку формальный сектор обеспечивает поддержку, необходимую для легальной деятельности. В связи с этим постепенно уменьшается и размер теневой экономики.

Во-вторых, взаимосвязь между теневой экономикой и институционализированной демократией может также означать, что по мере созревания демократии в стране государственная власть может передаваться хорошо развитым, эффективным общественным институтам, а не отдельным лицам, подразумевая, что политические интересы необходимо согласовывать, поскольку граждане становятся более осведомленными о своих правах и обязанностях и требуют подотчетности правительства. Государственный патронаж в данном случае – как возможность использовать теневые инструменты для извлечения незаконной прибыли – продолжаться не может, поскольку развитые институты способствуют политическим процессам и решениям, таким как распределение экономических и производственных ресурсов.

Теневая политика и теневая экономика: формы и анализ взаимосвязей

Политика (особенно внешнеэкономическая) всегда играет особенно важную роль для теневой составляющей экономической деятельности. Иногда само государство достигает желаемых результатов именно с помощью неофициальных теневых действий, а не публичных методов (особенно на высоких, федеральных и международных уровнях). Теневая же экономика в союзе с заинтересованными в получении личной выгоды госструктурами также стремится получать прибыль путем использования незаконных или полузаконных методов. Главной задачей теневых экономических отношений при работе с государственными и политическими структурами или отдельными акторами является создание политических условий, которые способствуют усилению и расширению пространства для институционализации теневой экономики. Лучшим сценарием для институционализации и развития таких двусторонних политико-экономических теневых механизмов является создание государственной системой (особенно правовыми ее институтами) благоприятной правовой среды, которая исключает (частично или даже полностью) применение общего законодательства к теневым секторам экономики.

Зависимости бизнеса и экономических акторов от государственной системы (и, соответственно, политических акторов) можно условно разделить на две основных категории:

1) зависимость от условий сделки, которые бизнесу предлагает государство – госзаказы, возможность участвовать в тендерах, регулирование условий победы на тендерах, преференции при выполнении госзаказов, размер итоговой прибыли и т. д.;

2) зависимость от характеристики и регулирования государственными структурами собственных институтов, в том числе экономических (налоговая

политика, поддержка тех или иных сфер бизнеса, система льгот и преференций и пр.).

В любом из приведенных выше случаев близость бизнес-структуры к политическим субъектам напрямую означает для первых улучшение количества и качества возможностей и векторов развития (а иногда и вообще возможность хоть какого-то развития, в худшем случае – даже существования). Примерами такого лояльного отношения власти к бизнесу можно считать:

1) полную или частичную безнаказанность при разного рода нарушениях законодательства, «закрывание глаз» на провинности бизнес-структуры;

2) прямое предоставление налоговых льгот;

3) возможность получения государственных заказов, контроль и коррекция условий конкурсов и тендеров в пользу бизнес-структуры, использование при оплате теневых схем (искусственное завышение суммы, обналичивание денег и пр.), использование схем фиктивной работы для «распила» бюджета;

4) опережающее информирование бизнес-структуры о нововведениях или изменениях в касающемся работы структуры законодательстве для создания возможности бизнес-структуре скорректировать свою деятельность для получения больших привилегий в будущем, а также приоритетный учет интересов этой структуры в процессе законотворчества;

5) устранение, запугивание, «отключение» конкурентов бизнес-структуры разными способами (создание помех в их работе, использование силовых структур и пр.);

6) использование финансовых, интеллектуальных, силовых, инфраструктурных и иных ресурсов государства для усиления и облегчения функционирования бизнес-структуры.

В свою очередь, политические акторы и власть тоже имеют две ключевых причины неформально сотрудничать с бизнес-структурами:

1) улучшение материального положения политических акторов, представителей власти. Речь идет о банальной коррумпированности власти, приобщающейся к дележу предпринимательских доходов в формате взяток, «откатов», «посреднических процентов» и пр. Есть и более закамуфлированные формы оплаты услуг власти – оформление в качестве консультантов, трудоустройство родственников и т. д. Распространено долевое участие чиновников в успешных бизнес-предприятиях как плата за оказываемые бизнесу услуги. За счет подконтрольных политических и властных ресурсов обеспечивается стабильность и рост патронируемого в теневом режиме бизнеса;

2) финансирование государственных проектов, структур и системы в целом, т. е. помощь в самосохранении власти. Потребность государственной си-

стемы в самосохранении также достигается за счет неформального изъятия средств из экономики. Но в этом случае «аккумулируемые от патронирования бизнеса средства не расплываются между отдельными представителями власти, а служат корпоративным интересам, являясь финансовой основой воспроизводства власти в ее нынешнем виде» [15, с. 10].

Для оценки наличия сформированных или формирующихся криминализованных теневых политико-экономических отношений существуют несколько индикаторов:

1) неформальные отношения получают большее распространение и увеличивают свою роль как в системе отношений внутри государства, так и в массовом сознании;

2) создание экономических акторов и кланов, способных воздействовать на политическую сферу и политические решения;

3) низкий уровень доходов основной массы населения;

4) все большая часть национального дохода и государственных ресурсов распределяется не в сторону социально полезных бюджетных и хозяйственных организаций, а в сторону теневых политических кланов, групп интересов и элит;

5) уход денежных потоков и капиталов за рубеж.

Система теневых кадровых перестановок на высшем уровне власти также может работать путем неофициальных и закрытых переговоров, которые происходят внутри управленческих структур. Общественной огласке такие вещи, разумеется, не подлежат: СМИ сообщают только о результате, назначении чиновников на должности. При этом фактический результат часто не связан конкретно с финансовыми платежами и осуществляется без участия денежных средств – за лояльность, будущее софинансирование государственных проектов, лоббизм интересов какой-либо политической группы интересов и пр. Финансовое сопровождение такой теневой политической или другой неэкономической деятельности тщательно скрывается не только потому, что это незаконно, но и потому, что у акторов существуют свои сокровенные цели, разглашение которых может иметь пагубные последствия. Случаи выявления политических или других неэкономических интересов, утечки информации о взятках или финансовом влиянии часто приводят к трагическим последствиям для замешанных в них лиц.

Таким образом, основная специфика теневых экономических отношений в политической сфере строится на главном тезисе: за финансовой стороной дела всегда стоят крупные политические интересы. Такими интересами могут быть поддержка решений какой-либо политической группы, расширение зоны влияния политических акторов и пр. В то же время,

лоббируя те или иные бизнес-структуры, представители власти могут значительно увеличивать свое финансовое состояние при помощи прямой коррупции (взятки), разрабатывать схемы для перераспределения в нужную сторону бюджетных средств и получать иные преференции от «покровительства» тем или иным корпорациям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вакурин В. А. О некоторых подходах к анализу коррупции / В. А. Вакурин // Eurasian union scientists. – 2021. – 8 (3(84)). – 19 с.
2. Сухарев А. Я. Феномен российской преступности: закономерность или атрофия власти? / А. Я. Сухарев // Российская Федерация. – 1995. – № 13. – 58 с.
3. Джонстон М. Поиск определений: качество политической жизни и проблемы коррупции / М. Джонстон // Международный журнал социальных наук. – 1997. – № 16. – С. 21–39.
4. Роуз-Аккерман С. Демократия и великая коррупция / С. Роуз-Аккерман // Международный журнал социальных наук. – 1997. – № 16. – С. 75–95.
5. Номоконов В. А. О стратегии борьбы с коррупцией / В. А. Номоконов // Коррупция и борьба с ней. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004. – С. 263–271.
6. Мишин Г. К. О теоретической разработке проблемы коррупции / Г. К. Мишин // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. В. Лунеева. – М.: Юрист, 2001. – С. 263–271.
7. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции / В. В. Лунеев. – М.: Норма, 1997. – 912 с.
8. Нисневич Ю. А. Коррупция как фактор современной политики / Ю. А. Нисневич // Публикации НИУ ВШЭ. – М., 2013. – 24 с. – URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/parlueujwk/direct/70359411?scld=lsj208xrtz20854373>.
9. Нисневич Ю. А. Что есть политическая коррупция / Ю. А. Нисневич // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, вып. 12. – С. 133–138. – URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/file/magazines/meimo/12_2020/16-nisnevich.pdf
10. Нисневич Ю. А. Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса / Ю. А. Нисневич. – М.: Юрайт, 2017. – 240 с.
11. Наронская А. Г. Политическая коррупция: сущность и особенности / А. Г. Наронская // XX Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 16–18 марта 2017 г., Екатеринбург. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – С. 2048–2054.

12. Гельман В. Я. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России / В. Я. Гельман // *Полития*. – 2010. – № 2 (57). – С. 6–24.

13. Гельман В. Я. Постсоветские политические трансформации. Наброски к теории / В. Я. Гельман // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 1. – С. 55–69. – URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/rutuj99ebd/101170113.pdf?ysclid=lsu2316thy338190391>

Воронежский государственный университет

Козлов К. Н., преподаватель кафедры социологии и политологии

E-mail: kirill_kozlov96@mail.ru

14. Исправников В. О. Теневая экономика в России : иной путь и третья сила / В. О. Исправников, В. В. Куликов. – М. : Российский экономический журнал ; Фонд «За экономическую грамотность», 1997. – 190 с.

15. Барсукова С. Ю. Теневая экономика и теневая политика : механизм сращивания / С. Ю. Барсукова. – М. : ГУ ВШЭ, 2006. – 48 с.

Voronezh State University

Kozlov K. N., Lecturer of the Department of Sociology and Political Science

E-mail: kirill_kozlov96@mail.ru